

Чу Тяньцо три дня караулила в засаде, но увидела лишь одно знакомое лицо — того самого простака, который когда-то передал ей пузырек с лекарством.

Этот простак частенько получал от Му Юньшэн немало пилюль, а излишки тайком сбывал у подножия горы. Хотя в их секте было не так много мастеров алхимии, правила строго запрещали частную торговлю амулетами и пилюлями.

Чу Тяньцо проследила за ним и в одном из переулков наглухо перекрыла путь.

Она одним мощным ударом сбила его с ног, и прежде чем тот успел разглядеть блеск холодного металла, клинок Сюньгуан уже прижался к его горлу. Бедолага задрожал, как осиновый лист. От удара Чу Тяньцо у него к горлу подступила кровь, а её свирепый вид внушал неподдельный ужас.

— Сестра Чу, пощадите! Умоляю, пощадите! — не зная, как ещё убедить её отпустить его, он принялся выгребать из карманов все склянки и пузырьки. Это были те самые пилюли, которыми его одаривала Му Юньшэн. Он берег их для собственного совершенствования и не решался продать, но теперь, охваченный страхом, позабыл обо всём.

— Ха. — Чу Тяньцо взглянула на разбросанные по земле флаконы и с силой отшвырнула мешающий под ногами. Звон бьющегося стекла отозвался в её сердце острой болью, но в то же время её пугал холодный клинок у шеи.

— Если убьёшь меня, секта не простит тебе этого!

— Сделаю это тихо, и никто в секте не узнает, — Чу Тяньцо пнула его в живот. Она скользнула взглядом по рассыпанным пилюлям, брезгливо поморщилась и одарила его леденящей улыбкой: — Об этом будем знать только ты и я. Точно так же, как в тот день, когда вы все вместе напали на меня. В мире совершенствующихся каждый день гибнет бесчисленное множество внешних учеников. Пока ты не умер прямо на территории секты, кому какое дело до твоей судьбы?

Чу Тяньцо наслаждалась видом его боли и страха, и тяжесть, давившая на сердце, немного отступила.

— В тот день я не нападал на тебя...

— И что с того? Разве ты не получил свою долю выгоды? — Чу Тяньцо прервала его резким, как нож, взглядом. — Му Юньшэн не говорила тебе, что я злопамятна и никогда не оставлю обидчика в покое?

— Но ты уже отомстила! — взвыл он. — Тех четверых изгнали из секты, а меня наказали! Зачем опять приходить?

Проклятие! С того самого дня он начал терпеть одни неудачи. Его, привыкшего лишь подметать дворы, ни с того ни с сего отправили убирать навоз в зверинец. Он провозился там полмесяца, и даже во время еды ему казалось, что во рту стоит запах экскрементов. Потратив целое состояние на взятки, он кое-как вырвался оттуда. Подозрительно косясь на Чу Тяньцо, он попытался разузнать что-то у тех четверых, но узнал, что их уже вышвырнули из секты Десяти тысяч мечей.

— Вышвырнули? Куда их отправили? — Чу Тяньцо вцепилась в его воротник, глаза её округлились, как медные колокола, отчего бедняга чуть не лишился чувств.

— Я... откуда мне знать?! — он был готов разрыдаться.

Чу Тяньцо убрала меч и отшвырнула его в сторону. Она уже собиралась пронзить его насквозь, как вдруг раздался окрик:

— Чу Тяньцо!

Позади послышался знакомый голос, и Чу Тяньцо, не колеблясь, нанесла удар.

Му Юньшэн спустилась с небес. Она долго ждала этого дня, даже приставила людей следить за каждым шагом Чу Тяньцо. Узнав, что та сегодня спустилась с горы, она специально позвала Гу Цинбай посмотреть на расправу.

Одним взмахом меча она отбила Сюньгуан из рук Чу Тяньцо. Основание фундамента против стадии Ци — Чу Тяньцо оказалась намертво прижата к земле. Му Юньшэн переполняло торжество. В тот день, даже будучи на три ступени выше, она смогла лишь свести бой вничью и нуждалась в поддержке старшего брата Ду Ханьцзяна, чтобы одолеть Чу Тяньцо. Но теперь, когда она достигла стадии основания фундамента, ей достаточно было лишь шевельнуть пальцем, чтобы Чу Тяньцо не смела поднять головы.

Однако она не хотела так легко её отпускать. Она собиралась лишить её места в секте, чтобы та, подобно бездомной собаке, с позором выкатилась вон.

Чу Тяньцо подавила гнев. Раздражающая физиономия Му Юньшэн и гневный тон Гу Цинбай вызывали у неё крайнее отвращение.

Му Юньшэн пошла в наступление:

— Ты посмела причинить вред соученику!

Чу Тяньцо обернулась и одарила простака ледяной улыбкой, словно говоря: если осмелишься хоть слово сказать о том, что здесь произошло, я с тобой разделаюсь.

Бедолага оказался меж двух огней. С одной стороны — намёки Му Юньшэн, требующей подтвердить обвинения против Чу Тяньцо. С другой — невозмутимая Гу Цинбай и скрытые угрозы Чу Тяньцо.

Чу Тяньцо подняла его с земли и по-приятельски обняла за плечи:

— Старшая сестра Му, мне не по плечу такие обвинения. Мой меч Сюньгуан чист, с чего бы мне вредить соученику? Зато вот вы, сестра Му, раздающая внешним ученикам столько редких пилюль — не пытаетесь ли вы подкупить их, чтобы они оклеветали меня?

Чу Тяньцо проигнорировала холодный взгляд Гу Цинбай и, не отступая, посмотрела прямо на Му Юньшэн:

— Даже в Зале правосудия не найдут доказательств моей вины. Вот только интересно, всем ли внешним ученикам вы оказываете такую же милость?

Му Юньшэн покраснела от ярости, она указала на Чу Тяньцо и потянулась к рукояти меча, но рука её замерла. Чу Тяньцо поняла, что та опасается присутствия Гу Цинбай. Она наклонилась, подняла пузырек с пилюлями и с полуулыбкой произнесла:

— Вы так щедры, сестра Му, вот только жаль, что люди не ценят вашей доброты. Напротив, вас же и втягивают в позорные слухи о тайной продаже пилюль.

Простак понял: когда дерутся боги, страдают смертные. Даже если между Гу Цинбай и Чу Тяньцо были раздоры, они всё равно оставались учениками Пика Лазурного Меча и не станут поддерживать Му Юньшэн. К тому же, его собственная тайна была в руках у Чу Тяньцо — если дело о продаже пилюль вскроется, наказание Зала правосудия будет не самым страшным, но Му Юньшэн его точно живым не оставит. А если он откажет Му Юньшэн — она тоже не даст ему жизни.

Он рухнул на колени и заголосил:

— Старшие сестры, пощадите! Сестра Му дала мне пилюли из добрых побуждений, это я, не имея духовных камней, не оправдал её доверия. А сестра Чу увидела это, и, решив, что я нарушаю правила, наказала меня. Это всё моё упущение, из-за которого вы, сестры, так недопоняли друг друга!

Слёзы и сопли взрослого мужчины заставили всех троих замолчать.

Гу Цинбай сухо произнесла:

— Иди в Зал правосудия и прими наказание.

Её решение означало, что она не будет продолжать допрос, а значит — в некотором роде встала на сторону Чу Тяньцо. Му Юньшэн тоже больше не могла настаивать.

Ученик со слезами благодарности пробормотал что-то и пулей умчался с поля боя, даже не взглянув на пилюли, оставшиеся на земле. Му Юньшэн, пришедшая с триумфом обвинить Чу Тяньцо, никак не ожидала такого исхода. Она лишь с досадой подумала, что сегодня проявила неосторожность перед этой языкастой девицей, умеющей перевернуть всё с ног на голову.

— Благодарю, младшая сестра Му, что сообщила нам об этом. В другой раз Пик Лазурного Меча отблагодарит вас должным образом, — сказала Гу Цинбай, её миндалевидные глаза оставались холодными и невыразительными.

Лицо Му Юньшэн вмиг помрачнело. Если бы это сказала Чу Тяньцо, это прозвучало бы как насмешка, но Гу Цинбай была настолько серьёзна, что Му Юньшэн не могла понять, что у той на уме. С неохотой она нашла предлог и удалилась.

Остались только Чу Тяньцо и Гу Цинбай. Ветер растрепал волосы Гу Цинбай, и Чу Тяньцо на мгновение показалось, что та пришла сюда, чтобы защитить её.

Гу Цинбай была кратка:

— Учитель велел мне вернуть тебя.

Сказав это, она повернулась, оставив Чу Тяньцо смотреть на свою холодную спину. Она слегка приподняла запястье, и меч Дуаньцин внезапно увеличился в размерах, опустившись к её ногам.

— Вставай на меч.

Язык Чу Тяньцо, обычно острый как бритва, сейчас словно онемел. Глядя на бесстрастное лицо Гу Цинбай, она не испытывала ни малейшего желания продолжать разговор.

— О, — сухо отозвалась Чу Тяньцо. Она-то думала, с чего это вдруг Гу Цинбай вздумалось лезть в её дела. — Ты спустилась с горы, а как же та лисица?

Гу Цинбай ответила равнодушно:

— Учитель вернулся, он сам с ней разберётся.

— А те четверо — это твоих рук дело?

— Какие четверо? — в её вопросе не было ни капли притворства.

Чу Тяньцо холодно хмыкнула про себя: ну конечно, Гу Цинбай только и знает, что совершенствоваться. Ей бы самой не влетело, а уж о том, чтобы наказывать других, она и не помышляла.

— Ничего, проехали.

Больше они не проронили ни слова, пока не достигли Пика Лазурного Меча.

<http://bllate.org/book/18925/1851452>